

Глава первая

Я зашел в отель, примыкающий к «Стэмфорд Бридж». Поднялся в свой номер. Лег на кровать, прикрыл глаза.

Мне казалось, я парю над небом Лондона. Рядом с самолетами, которые с монотонным гулом каждые несколько минут заходят на посадку в Хитроу. Это даже не эйфория – скорее, состояние невесомости, из которого возвращало в реальность лишь мое уставшее брненное тело.

Мне 29. Два часа назад я дебютировал в «Челси». Отыграл 90 минут в победном матче с «Манчестер Юнайтед».

На сборах получил травму. Рвался на поле, но врачи предпочли не рисковать. Две контрольных встречи перед стартом чемпионата пропустил. А в первом же туре – принимаем дома «МЮ»! Был уверен, что не попаду в состав. Но за два дня до матча Жозе Моуринью начал наигрывать в полузащите схему, которую называет «треугольник», где мне отвел место левого инсайда.

Против «МЮ» играть уже приходилось – в предыдущем сезоне, который я на правах аренды провел в «Портсмуте». Мы сенсационно победили 1:0, а меня признали лучшим игроком матча, вручили по традиции бутылку шампанского. Однако дебют на «Стэмфорд Бридж» – особая история. Тем более, когда среди твоих партнеров Джон Терри, Фрэнк Лэмпард, Клод Макелеле, Дидье Дрогба...

Я вспоминал слова легендарного борца Александра Карелина: «Иногда мандраж заводит. Но может и раздавить. Если оседлал волнение – ты всадник против пехотинца. Если волнение оседлало тебя – ты пехотинец, который тащит на плечах коня».

Отпустило с первым касанием мяча. В английской лиге такая интенсивность, что на поле не успеваешь нервничать, размышлять о посторонних вещах. Во втором тайме «Манчестер» вообще прижал нас к воротам. Еле отбились. За 90 минут набегался так, что с трудом добрал до раздевалки.

А в гостинице нахлынули эмоции. Думал – неужели я, мальчишка из далекого Алтайского края, теперь играю за один из лучших клубов мира? Не сон ли это? Перед глазами пронеслось детство, в котором не было ничего, кроме адских комплексов и бесконечных тренировок под руководством отца. Но ради таких мгновений, как здесь, в Лондоне, вытерпеть все это стоило.

Не люблю вспоминать детство.

Я был самым маленьким в классе. Щуплым, застенчивым, неуверенным в себе. Девочки меня не замечали.

«Затянувшееся начало пубертатного периода» – так в медицине зовется проблема, которая меня тревожила. Объясняется замедлением общего физического созревания. Сейчас-то понимаю, что ничего страшного в этом нет. Но в подростковом возрасте мы склонны все преувеличивать.

Мои ровесники уже брились, у них росли волосы под мышками и в других частях тела. Они превращались в мужчин. Я же оставался мальчиком. Во всех местах гладким, как коленка. Переживал жутко. Стеснялся ходить в душ с ребятами после тренировки.

Как бегал полтора часа по полю в маечке, трикошках, так и отправлялся в школу. Если дело было зимой, надевал поверх свитер и брюки. О гигиене не задумывался. В борьбе между ней и стыдливостью, гигиена проигрывала всегда.

Годы спустя вернулся из Франции «надухаренный». Моя одноклассница Кристина, с которой десять лет просидел за одной партой, сказала: «Лешка, наконец-то от тебя вкусно пахнет! Не то что раньше...»

Представляю, какой аромат способны источать потная футболка и несвежие носки! Но я-то не замечал! Услышав от Кристины эти слова, подумал: «Слава богу, что тогда

ничего не говорила. Терпела меня, вонючего, на уроках. Комплексов и так было хоть отбавляй. А она вообще могла добить».

Апогеем стал эпизод в барнаульском «Динамо», куда пригласили в феврале 1992-го. Через три месяца мне исполнилось 17, но я был маленьким, хилым, весил 58 килограммов. А главное – по-прежнему никакой растительности.

Сыграли на снегу товарищеский матч. На динамовском стадионе душевая располагалась в соседней раздевалке. Игроки шли туда, обмотавшись полотенцем. А у меня ступор. Как показаться голым перед мужиками? Засмеют!

Долго сидел в растерянности. Вдруг голос Сергея Малитина, одного из самых опытных футболистов «Динамо».

– Эй, молодой, чего расселся-то? Иди, «сосок» свободный.

Стадион старый, распылителя в душе не было, из «соска» била струя. Ветераны там покуривали тайком от тренера. Я вспомнил об этом и быстро ответил:

– Табачный дым не выношу. Пусть выветрится.

Дождался, когда все уйдут, спокойно помылся. На следующий день история повторилась. Снова после игры поплелся в душ последним.

Потом уехали на сборы. Там, преодолевая стеснительность, пришлось мыться вместе со всеми. Когда понял, что на меня не обращают внимания, выдохнул с облегчением.

К тому же организм начал стремительно «догонять» сверстников. Вскоре я уже ничем от них не отличался. Разве что бритву первый раз взял в руки лет в девятнадцать, когда играл в «Заре» из Ленинск-Кузнецкого...

Но самое главное – именно футбол позволил избавиться от многочисленных комплексов. Тяжкого груза, который надо мной довлел. Трудности только закаляют. Я верю в Божий промысел. С ранних лет судьба посылала испытания. Хочешь – ной, хочешь – стони. Но пройти через них обязан. Чем сложнее они, тем сильнее становишься. Тем значительнее твой успех.

Я заиграл в команде мастеров – и сразу вырос, окреп, возмужал. Уверенность на футбольном поле передавалась и за его пределами.

Прежняя жизнь отступила. От нее остались лишь воспоминания. Темный ящик, закрытый на ключ, который я опустил на дно колодца. Если б не книга – никогда бы оттуда его не извлек.

Детство не люблю вспоминать еще и потому, что получилось оно «блокадным». Я был заблокирован от всего, что не имело отношения к футболу. Лет с шести максимальная концентрация была исключительно на нем. В этом заслуга отца.

Мне, конечно, не запрещали выходить на улицу, кататься на велосипеде, играть в войнушку, «казаки-разбойники» или «12 палочек». Но чаще на это не оставалось ни времени, ни сил.

В Советском Союзе никто не думал, что футбол будет высокооплачиваемой игрой. Так что от прагматизма мой отец был точно далек. Просто через всю жизнь пронес фанатичную любовь к мячу. Он часто повторял эту фразу. Сегодня для меня очевидно, что любовь к футболу и к мячу – вещи разные.

В любви к футболу изначально заложен меркантильный интерес. Деньги, слава, статус. А любовь к мячу – чистая, прозрачная. Где важнее игра, а не приятные дивиденды, которые ей сопутствуют.

Отец мечтал, чтоб сыновья стали футболистами. Ради этой цели готов был заниматься с нами сутки напролет, кропотливо обучал технике.

Первым этот путь прошел мой брат Женя, который старше на шесть лет. Затем я.

Сам отец играл в Барнауле левого крайнего за команду моторного завода, в 1963 году стал чемпионом Алтайского края. О своем футбольном таланте мнения был, мягко

говоря, невысокого. Формулировал емко: «Козел бездарный!» Он вообще футболистов делил на две категории – «козел бездарный» и «светлая головушка».

Рассказывал, что скорость у него была приличная, на фланге пробрасывал мяч мимо соперника, опускал голову и бежал. Легко уходил от одного, второго. Когда нужно было подавать, выяснялось, что поле уже закончилось, и он в песочной яме...

На моторном заводе почти до пенсии работал коленвальщиком. Параллельно на общественных началах тренировал школьную команду «Огонек». Летом я играл за нее в футбол на турнире «Кожаный мяч», а зимой в хоккей на «Золотую шайбу».

Одна из самых ярких картинок детства – мячи, которые валялись по нашей квартире. Их было очень много. Сдутые и накаченные, новенькие и латанные-перелатанные... В темноте о них обязательно кто-нибудь спотыкался.

Я помню, как отец штопал порванные мячи. Вырезал камеру, делал накладку из плотной ткани, сверху поливал ацетоном. Закаменев, она выпирала на пару сантиметров. Такой мяч служил еще долго. Правда, когда этим местом попадал в голову, было больно. Похожие истории я слышал от тех, кто играл в 50-е. Если в дождь разбухший мяч прилетал шнуровкой в лоб – сотрясение обеспечено.

Вся округа знала – на улице Панфиловцев, 25, квартира 211 всегда можно взять мяч и поиграть в футбол. Телефона у нас не было, мальчишки звонили сразу в дверь: «Дядя Гена, дайте мячик, пожалуйста». Погоняют – приносят обратно. У нас же и переодевались. Мама давала им что-то перекусить, поила чаем. Среди них даже были ребята, которых мы видели первый раз – просто пришли с кем-то за компанию. Квартира иногда напоминала раздевалку. Вот в такой атмосфере я рос.

Отца во дворе называли Дядя Гена. Или Геныч. Вторым вариантом мне нравился больше, я и сам в юности так к нему обращался. Он не обижался.

На тренировки со мной выходил ежедневно в любую погоду. Ни проливной дождь, ни 30-градусный мороз его не смущали. График зависел от школьного расписания.

Начиная со 2-го класса, каждые два года я учился во вторую смену. Если в первую, вставали в полседьмого, спускались во двор. Минут тридцать я наматывал круги по хоккейной коробке. Зимой – утопая в сугробах. Потом заходили в подъезд. На свой восьмой этаж я бежал наперегонки с лифтом. Опередить его было нетрудно – лифт древний, медленный. Позже заменили на более современный, но быстрее он не стал.

Гораздо сложнее было другое упражнение, которое придумал отец, – прыжки по лестнице. Пролет – 10 ступенек. Надо преодолеть за два прыжка: с места, не хватаясь за перила. Я и сейчас-то вряд ли так прыгну. А тогда, на фоне усталости, было очень тяжело. Хорошо хоть отец ограничивался несколькими этажами. До восьмого я бы точно не дотянул.

В доме до сих пор та же лестница. Приезжаю в Барнаул навестить маму, хожу по этим ступенькам и с закрытыми глазами могу определить, где скошенные грани, где ровные, острые...

Нагрузив меня с утра пораньше, отец мчался на работу, а я – на урок. Днем на автобусе с двумя пересадками ехал в динамовскую школу. Она находилась в центре, а наш район Сулима – на окраине. Сейчас с трудом представляю, как в семь лет ребенка отпускали одного через полгорода. В 80-е это считалось в порядке вещей. Вечером возвращался с тренировки – и вновь занимался с отцом во дворе.

Если была вторая смена, отец поступал хитро. Приезжал утром на завод, отмечался. Потом договаривался с дружкой. Они земляки, родом из села Шелаболиха, что в 90 километрах от Барнаула. Много лет отработали в одном цехе. Отец таскал ему то банки с огурцами и помидорами, которые закатывала мама, то мешок картошки с огорода, то еще что-нибудь. Взамен была возможность отлучиться на несколько часов домой, чтоб провести со мной тренировку. Друг прикрывал.

Через проходную незаметно не проскочишь, поэтому отец перелезал через забор. Так же возвращался и работал до вечера. Как-то рассказывал – сиганул обратно с разбега,

и вдруг увидел, что летит на стаю собак, которых прикармливали на территории завода. Им как раз кинули еду. Опустился возле них. От неожиданности собаки перепугались не меньше, чем отец. Цапнуть не успели – он быстро скрылся в цехе.

Честно, отцовских вылазок ждал с содроганием. В панельном доме было прекрасно слышно, как поднимается лифт. Я лежал в полудреме и думал с мольбой – только бы не на восьмой! Если доходил до нашего этажа, и двери лифта с шумом распахивались, оставалась крошечная надежда, что это кто-то из соседей. Дальше в замке поворачивался ключ. Звук – как топором по сердцу. Понимал – пора!

Отец заглядывал в комнату, брал сетку мячей:

– Подъем! Завтракать – и на тренировку!

На голодный желудок никогда не гнал. Я шел на кухню, видел записку мамы: «Алеша, суп в холодильнике. Картошка с мясом на плите. Винегрет на столе».

Вообще-то сегодня любой спортсмен знает – есть нужно за несколько часов до тренировки. Я же начинал пробежку, когда еда еще стояла в горле. Первые минут пятнадцать колот бок. Я плакал. Отец, поворчав, давал паузу.

В то время меня часто душили слезы. Одно дело – играть в футбол в свое удовольствие. Совсем другое – когда ты с первого класса поставлен в жесткие рамки. Изо дня в день под присмотром отца выполняешь специальные упражнения. Рутинка угнетала больше, чем любой кросс по сугробам.

Плюс в такие минуты отец становился диктатором. Он не просил, не требовал – заставлял! Иногда пинок под зад и – побежал! Вот и вся мотивация. Наверное, поэтому с детства я воспринимал его в первую очередь как тренера, а не как отца. Крен в наших отношениях сохранялся очень долго. Не уверен, что для ребенка это хорошо.

В отличие от брата, мне еще повезло. Он-то – старше, отец сильнее его гонял, экспериментировал на нем. Не знаю, как реагировал Женя, плакал или нет, мы ни разу об этом не говорили. Все отмечали, что ко мне отец относился помягче. Что не спасало от слез и обид. Думал: «Как же можно так относиться к родному сыну?!»

Я очень благодарен отцу за то, что дал мне дорогу в жизнь. Но заплатил за это высокую цену – родительским теплом.

Футбольного образования у него не было, работал с нами не по науке, а по наитию. Брал энтузиазмом, страстью, напором. Его заслуга не в том, что научил мяч останавливать или дриблингу. Для этого существует ДЮСШ.

Самое главное – он сформировал характер, способность работать через не могу. Несгибаемость, ответственность, стабильность – я играл именно на этом фундаменте, который заложил отец. Позже на собственном опыте убедился – у любого тренера в цене игроки, на которых всегда можно положиться. Если футболист менее талантливый, но держит планку, на поле будет выходить он, а не тот, кто яркие матчи чередует с провальными. Со мной такого практически не случалось. Стабильным был игроком.

Я реалист – по футбольным данным объективно не дотягивал до высокого уровня. Многие игроки техничнее, мощнее, быстрее. Потолок у каждого свой. У Месси и Криштиану Роналду, если брать сталинские дома, – метров пять. У меня – «хрущевка», два тридцать.

Допрыгнуть до потолка – уже достижение. Удержаться на нем дано единицам. Мне удалось, я завис на время в воздухе, словно Майкл Джордан, пуская мой потолок и ограничен «хрущевкой». Так что в футболе реализовал себя полностью.

Есть момент, который меня забавляет. Порой на улице узнают – и начинают нахваливать: «Ой, Алексей...» Что-то говорят о голах, красивых комбинациях. Утонченной игре. Сразу понимаю – слова не по адресу. Человек просто хочет польстить. Внутренне улыбаюсь. Все это можно сказать Мостовому, Аленичеву, Титову, Лоськову. Вот они – забивали и отдавали. А для меня лучшая оценка, когда слышу: «Вы, Алексей, бились из последних сил, проявили самоотверженность, характер...» Это действительно про меня.

Я играл за счет характера, силы воли, желания взлететь выше головы. Мне всегда хочется большего! Я вечно недоволен собой! Качество, которое сопровождает меня всю жизнь. Даже сейчас, когда футбольная карьера позади. Мужчина все время должен стремиться к чему-то новому и сложному. Это не перерастает в самоедство. Наоборот, дает возможность развиваться, двигаться вперед.

Валентина Тимофеевна Яшина, жена Льва Ивановича, рассказывала мне, что он ночью после матча ворочался, вздыхал: «Валя, я не вышел на перехват, не подстраховал». Она успокаивала – да перестань, сколько ты выручал, команда выиграла. А Яшин: «Нет, тут я мог лучше сыграть...»

Легендарный вратарь – но не останавливался. Не почивал на лаврах. Вот и я, общаясь с детьми в своей школе, говорю, что успех – это маленькая-маленькая ступенька. А предела совершенству нет.

Отец придумывал разные упражнения. В основном они были заточены на технику. Когда я был совсем маленьким, дома обводил стулья, прокидывал мяч между ножек стула. Как говорил папа – «сунул в калиточку».

На улице он вставал напротив, два мяча под мышками, один внизу. Бросал то в ноги, на грудь, то в колено. Я должен был принять и вернуть. Взрослый-то обработает не сразу, ребенок – тем более. А отец командовал: «Быстрее! Быстрее!» Мяч я возвращал «щекой», «шведой», подъемом. То в одно касание, то в два. То разворачиваясь, делая какой-нибудь финт, например, «улитку», и отдавая пас.

Затем дриблинг. Он плассировался, а я пытался его обыграть, качал в одну сторону, в другую...

Бывало, психанешь, заноешь, не хочется что-то по сто раз повторять. Тогда пинок под зад – и продолжаешь вкалывать, скрипя зубами. «Если будешь плохо тренироваться, всю жизнь, как я, проработаешь на заводе», – твердил отец. Такая перспектива не прельщала.

Почему-то не уделял он внимания игре головой и длинным передачам, хотя в современном футболе без этого никуда. Еще не было жонглирования. Отец называл его суходрочкой, считал, никакой пользы не приносит. Тут я согласен. В игре этот навык не используешь.

Каждое занятие длилось около получаса. Но было настолько интенсивным, что уже минут через пятнадцать моему воспаленному сознанию казалось – прошел целый час, не меньше! Потому что ни на кого отец не мог переключиться, работали без пауз. Передохнуть позволял, лишь когда бок прихватывало.

Потом собирался народ, начинался футбол. Но у меня на поле были свои задачи. Я всегда играл в меньшинстве, причем против мужиков либо ребят постарше, физически поздоровее. Отец делал это умышленно. Ему было плевать, что кто-то устал, недоволен. Громко подсказывал: «Бери на себя! Обыгрывай! Смелее! Активнее! Острее!»

Упор был на индивидуальные действия, дриблинг, обводку, четкий контроль мяча. Раньше эти качества преобладали над командной игрой. Если посмотреть хронику, бросается в глаза, – много пространства, футболист брал мяч, накручивал по несколько человек...

Попав в сборную России к Олегу Романцеву и вплотную познакомившись со спартаковским футболом, я понял, что в центре поля индивидуальной игрой злоупотреблять не стоит. Да, кого-то обвел, но атаку-то затормозил. Или вообще споткнулся, потерял мяч, обрезал. Играть нужно на команду, а не на себя. Если партнер в более выгодной позиции – не тяни, отдай сразу.

Не учил отец и тому, что принимать решение на поле нужно до приема мяча. Я получал мячик, обрабатывал, поднимал голову, оглядывался... В Европе на своей шкуре испытал, что там это не проходит. Лимит времени минимальный. Не подумал заранее, что делать с мячом, – накрыли.

В детстве после каждого матча отец выставлял мне оценки по пятибалльной системе. Чаще – «тройки» и «четверки». «Пятерки» – редко. «Двойки» были за брак при обводке и передачах, безынициативность. Но особенно доставалось за то, что плохо открывался. Я не чувствовал коридоры, куда нужно бежать, чтоб получить пас на свободное пространство.

Зимой играли не только в хоккей. Отец комбинировал его с футболом. Мы с братом на коньках, без клюшек, пытались контролировать мяч, били по воротам. Потом надевали кеды, играли на льду в футбол. Скользко – чтоб устоять, надо как можно быстрее перебирать ногами. Такие упражнения развивали координацию, выносливость.

Мама вспоминает, что у нас с Женей были штаны с начесом. Снег на них налипал, стояли колом. После тренировки мама замачивала в тазу. А мы падали без сил. Папа на «горбушке» нес в ванную сначала меня, потом брата.

До последних дней отец даже зимой ходил в кроссовках. А во времена моего детства – в кедах. Никогда не простужался! В самые лютые морозы ни разу не слышал от него, мол, продрог, ребятки, хватит тренироваться, пошли домой. Часами стоял на снегу в дырявых кедах как ни в чем не бывало.

А вот мы с братом пару раз за зиму переболеть успевали. Отец не задумывался, что дети сидят по десять минут в сугробе, коньки меняют на холодные кеды, не надевают сухие носки. Как не простудиться? Когда это случалось, он страшно злился, что вынужден прерывать тренировки. Говорил: «Дохлые...»

Еще был недоволен, когда летом на месяц я уезжал в деревню. На сенокос. Для меня же после отцовской муштры это была отдушина.

Родители мамы жили в 150 километрах от Барнаула, в селе Кытманово. Хозяйство большое, людей не хватало. Мама стояла на стогу, который формировался из четырех копен. Я привозил их на коне по кличке Серко.

Лет до пятнадцати то же самое делал брат. Почему сажали ребенка? Чем меньше весит всадник, тем легче Серко. К тому же освобождаются лишние руки. Дедушка с мужиками работал вилами, закидывал сено наверх, где мама равномерно распределяла.

Жарища. Кругом слепни, оводы, комары. Чтоб спасти от них Серко, грудь ему смазывали солидолом. А я в кепке, рубашке с длинным рукавом, штанах. В конце дня наступал самый приятный момент – водопой. С коня снимали хомут, я мог немножко похулиганить, пришпорить его. В озере он пил долго, жадно. Я клал голову ему на шею, с наслаждением принюхивался. Как ни смешно, с тех пор запах потной лошади – один из моих любимых. Вместе с запахом свежего хлеба, который пекла бабушка, и скошенной травы.

Серко был невероятно умный конь. Бывало, зимой дедушка где-то загуляет, напьется, уснет в санях. Так Серко сам находил дорогу домой!

У деда еще был старенький «Урал» с коляской. Лет с тринадцати давал порулить. Так началась моя любовь к мотоциклам. Играя во Франции, купил «Харлей-Дэвидсон». Сейчас в Москве у меня тоже «Харлей». Послабее, чем французский, но более юркий.

Ни я, ни брат никогда не жаловались маме на отца. О его суровой тренировочной методике она узнала годы спустя из... наших интервью. Рассуждала так: отец занимается с нами денно и нощно – ну и хорошо, за детей можно быть спокойной. Пришли грязные, в ссадинах – ерунда. Зеленкой помазала, умыла, накормила, уложила спать.

Дом держался на маме. Ни папа, ни мы с братом, сосредоточенные на футболе, по хозяйству совершенно не помогали. Все одна – ходила в магазин, стирала, убирала, готовила. Но скандалов не было. Мама очень добрая, нежная, неприхотливая. Если розетка ломалась, вызывали электрика. В нашей семье это особенность всех Смертиных – руки не из того места растут. А ногами держать отвертку мы не научились.

На маме была и наша учеба. Когда Женю начали привлекать в юношескую сборную СССР, в школе за год в общей сложности он проводил не больше четверти. Мама

штудировала учебники, готовила ему билеты к экзаменам, писала шпаргалки. А мне, чтоб получил «тройку» по литературе, когда проходили Булгакова, читала на ночь «Мастера и Маргариту» – и я, уставший после двух тренировок, засыпал под монолог Воланда.

То, что мы с братом все время посвящаем футболу, а успеваемость страдает, – родителей не смущало. У папы вообще была любимая фраза, даже девиз – «в ущерб школьному образованию!» Во всем, что касалось футбола, он был предельно требовательным. За «двойку» на поле устраивал мне жесткий разнос. «Двойка» в дневнике его не волновала.

С годами задумываюсь – правильно ли он поступал? Принести в жертву безмятежные детские годы, учебу в школе, сделав ставку на то, что сыновья будут высококлассными футболистами... А если травма? С другой стороны, спорт воспитывает качества, которые в жизни обязательно пригодятся – трудолюбие, упорство, терпение, взаимовыручку, умение добиваться поставленной цели.

Учился я плохо, в десятый класс взяли со скрипом. Мелькнула мысль – может, в «фазанку»? Так в народе прозвали ФЗУ – фабрично-заводское училище. Хотя специальность получу... В футболе тоже не складывалось. Голова вроде светлая, а ноги за ней не поспевали. Правильные действия на поле нивелировались соперниками за счет их скорости и мощи. Физически я уступал всем. Плюс рост маленький.

Что только ни делали родители! Я ложился на кровать, мама брала за руки, папа за ноги – и растягивали скелет. На турнике висел. Каждый день ел тертую морковь с сахаром. Ничего не помогало. В строй всегда становился последним. На одной лестничной клетке с нами жил парень, который на два года младше. Так лет в тринадцать он был выше меня сантиметров на десять! Как же я комплексовал!